

Тэн Ипполит Адольф

Происхождение современной Франции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И76

И76 **Ипполит Адольф Т.**
Происхождение современной Франции / Тэн Ипполит Адольф – М.: Книга по Требованию, 2024. – 233 с.

ISBN 978-5-519-78088-9

ISBN 978-5-519-78088-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

гамъ въ правѣ отзывать по желанію своихъ избранниковъ, являющихся ихъ представителями въ Ратушѣ, издавая постановленія не санкціонированныя избирателями, препятствуя гражданамъ собираться, гдѣ имъ вадумается и разсѣивая собранія, устраиваемыя на чистомъ воздухѣ въ Палѣ-Рояль: „солдатина тамъ вытѣсняетъ патріотизмъ“ и мэръ Байльи, облакающійся въ ливрею, присваивающій себѣ жалованье въ 110.000 ливровъ, раздающій капитанскіе чины, обязывающій разносчиковъ имѣть бляхи, а газеты выходить за подписью, является не только тираномъ, но лихоимцемъ, воромъ, преступникомъ, нарушающимъ народныя права.

Еще большія злоупотребленія властью позволяетъ себѣ Національное Собраніе: присягать Конституціи, какъ оно это дѣлаетъ, навязывать намъ, свое твореніе, не считаясь съ нашими верховными правами, не обращая вниманія на наши точныя предписанія, это значитъ не признавать нашего верховенства, это значитъ „издѣваться надъ величіемъ націи“. подмѣнять волю народа волею тысячи двухсотъ человекъ: „наши представители не оказали намъ должнаго уваженія“. Это ужъ не въ первый разъ, да конечно и не въ послѣдній. Они неоднократно превысили свои полномочія; они обезоруживаютъ, лишаютъ голоса и свободы дѣйствій своего законнаго повелителя; они именемъ народа издаютъ доклеты противъ народа. Таковъ ихъ военный законъ, изданный, „чтобы подавить возмущеніе гражданъ“, т. е. отнять у насъ единственное средство, которымъ мы располагаемъ противъ заговорщиковъ, воровъ и измѣнниковъ. Таковъ декретъ воспреещающій всѣ коллективныя петиціи и воззванія. „Безмысленный декретъ и непримѣнимый“, являющійся самымъ страшнымъ посягательствомъ на права націи. Таковъ прежде всего избирательный законъ, требующій отъ избирателей небольшой пензъ, а отъ кандидатовъ въ народные представители большій пензъ, законъ „освящающій аристократію богатства“. Бѣдняки исключенные декретомъ должны отказаться признать его, должны заставить властью занести себя въ списки и безъ стѣсненія вотировать, ибо естественный законъ выше писаннаго и миллионы гражданъ несправедливо лишены голоса совершили бы лишь „справедливое возмездіе“, если-бы выходили изъ залы засѣданія, ввалили за горло вождей самозваннаго большинства и сказали имъ: „Вы вычеркнули насъ изъ общества, потому что вы были сильнѣе насъ въ залѣ; мы же въ свою очередь вычеркиваемъ васъ изъ числа живыхъ, такъ какъ мы сильнѣе всѣхъ на улицѣ. Вы насъ убили граждански, а мы васъ убиваемъ физически.

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, всякій мятежъ становится законнымъ. Робеспьеръ съ трибуны оправдываетъ жаке-рію, отказывается называть разбойниками поджигателей замковъ, признаетъ законными возстанія въ Суассонѣ, Нанси, Авиньонѣ и Колоніяхъ. По поводу двухъ повѣшенныхъ въ Дуэ, Демулэнъ замѣчаетъ, что это было дѣло рукъ народа соединившагося съ войскомъ. „Поэтому я утверждаю, не боясь ошибиться: они узаконили мятежъ“; они были виновны и прекрасно сдѣлали, повѣсивъ ихъ.

Но вожди революціонныхъ партій не только оправдываютъ убійства, они подстрекаютъ къ нимъ. Демулэнъ „въ качествѣ главнаго прокурора Лантерны выражаетъ желаніе, чтобы во всѣхъ восьмидесяти трехъ департаментахъ ежемѣсячно производилось хотя бы одно задерживаніе на фонарь“, а Маратъ въ своей газетѣ непрерывно бьетъ тревогу: „Когда общественное благо въ опасности, дѣло народа отнять власть изъ рукъ, которымъ онъ самъ вручилъ ее... Арестуйте австріячку и ея шурина... Захватите всѣхъ министровъ и ихъ чиновниковъ, заключите ихъ въ кандалы, наблюдайте за главой муниципалитета и помощниками мэра, не выпускайте изъ рукъ генерала, задержите генеральный штабъ... Наслѣдникъ престола не имѣетъ права обѣдать, когда вы голодаете. Собирайтесь въ полки, предстаньте предъ Національнымъ Собраніемъ и требуйте, чтобы оно немедленно назначило вамъ изъ національныхъ суммъ приличное содержаніе. Требуйте, чтобы государственные налоги употреблялись на пользу бѣдныхъ государства. Если вамъ въ этомъ откажутъ, собирайтесь въ арміи, дѣлите между собою земли и богатства злодѣевъ, которые закапываютъ свое золото, чтобы голодомъ принудить васъ снова подпасть подъ ихъ иго... Теперь ужъ пришла пора снять съ плечей головы министровъ и ихъ сподвижниковъ, Лафайета, всѣхъ злодѣевъ генеральнаго штаба, всѣхъ начальниковъ анти-патріотическихъ батальоновъ, Байльи, всѣхъ контрреволюціонныхъ муниципальных чиновниковъ, всѣхъ измѣнниковъ изъ Національнаго Собранія. Правда среди мало мальски развитыхъ людей Маратъ пользуется репутаціей сумашедшаго, непормальнаго человѣка. Однако таково послѣднее слово теоріи: въ политическомъ зданіи надъ властями уполномоченными, утвержденными и законными, она утверждаетъ анонимную власть, бессмысленную и жестокую, произволъ которой неограниченъ, главенство неоспоримо, а вмѣшательство смертоносно,—это народъ, подозрительный и жестокій султанъ, который назначивъ своихъ визирей, держитъ на готовѣ руки, чтобы управлять ими и отточенную саблю, чтобы снести имъ головы.

II.

Что эту теорію могъ создать въ своемъ кабинетѣ глубокомысленный политикъ это вполне понятно: бумага все терпитъ, а абстрактные люди, бессмысленные идолы, философическія маріонетки, какъ тѣ, которыя онъ изобрѣтаетъ, годятся для всякихъ комбинацій. Что ее воспринимаетъ и проповѣдуетъ въ своемъ погребкѣ полубезумный фанатикъ это также легко объяснимо; онъ находится во власти фантомовъ онъ живетъ внѣ реальнаго міра, наконецъ видъ среди постоянно подымающейся демократіи это онъ является неизмѣннымъ допосчикамъ, зачинщикомъ всѣхъ бунтовъ, подстрекателемъ всѣхъ убійствъ и подъ именемъ „друга народа“ становится властителемъ жизни, настоящимъ повелителемъ. Что обремененный податями, несчастный, изголодавшійся, поучаемый ораторами и софистами народъ единогласно принялъ и сталъ примѣ-

нять на практикѣ эту теорію, это еще тоже понятно: подѣ влияніемъ чрезмѣрныхъ страданій пользуются всякимъ оружіемъ, а для угнетаемаго то ученіе истинно, которое помогаетъ ему избавиться отъ угнетенія. Но что политики, законодатели, государственные мужи, наконецъ министры и главы правительства стали послѣдователями этой теоріи, что она все болѣе подчинялась ей, по мѣрѣ того какъ она становилась болѣе разрушительной, что они въ продолженіе трехъ лѣтъ изо дня въ день, видя какъ подѣ ея ударами рушился общественный порядокъ не могли понять, что это она была орудіемъ такого страшнаго разрушенія, что при свѣтѣ горькаго опыта они вмѣсто того, чтобы признать пагубность ея, превозносили ея благодѣянія, что многіе изъ нихъ, цѣлая партія, почти все Собраніе, почитали ее какъ догматъ и до конца примѣняли съ непреклонностью и энтузіазмомъ глубокаго убѣжденія; что понавѣ, благодаря ей, въ узкій проходъ, постепенно все болѣе съуживающійся они неизмѣнно шли все впередъ, по пути уничтожая другъ друга; что дойдя до конца, они въ воображаемомъ храмѣ своей мнимой свободы очутились на бойнѣ; что въ кругу этой народной рѣзни они по очереди бывали то рѣзниками, то убойнымъ скотомъ; что на своихъ правилахъ всеобщей, абсолютной свободы они воздвигли достойный Дагомеи деспотизмъ, судилище напоминающее инквизицію, человѣческія гекатомбы равныя приписавшимся въ древней Мексикѣ; что посреди своихъ тюремъ и своихъ эшафотовъ они ни на минуту не переставали вѣрить въ свою справедливость, свою гуманность и свою добродѣтель и въ своемъ паденіи считали себя мучениками, это положительно странно,—такое заблужденіе ума и такая чрезмѣрная гордость никогда не встрѣчаются и для порожденія ихъ потребовалось небывалое стеченіе обстоятельствъ, какое случается только однажды.

Однако какъ чрезмѣрное честолюбіе, такъ и догматическія разсужденія по рѣдкости среди людей. Эти два корня яковинскаго ума встрѣчаются вездѣ, скрытые и вѣчные. Но обыкновенно они обузываются хорошо устроеннымъ обществомъ. Они вездѣ стараются сорвать печать историческихъ наслоеній, придавливающихъ ихъ всей своей тяжестью. И теперь какъ и въ старину въ студенческихъ мансардахъ и меблированныхъ комнатахъ богемы, въ уединенныхъ кабинетахъ врачей безъ практики и адвокатовъ безъ кліентовъ встрѣчаются Бриссоны, Дантоны, Мараты. Робеспьеры и Сень-Жюсты въ зародышѣ, но вслѣдствіе недостатка воздуха и мѣста на солнцѣ они не могутъ развиваться. Когда двадцатилѣтній юноша вступаетъ въ свѣтъ, то что онъ встрѣчаетъ поражаетъ его умъ и его гордость. Во первыхъ каково бы ни было общество, въ которое онъ вступаетъ, оно ошеломляетъ чистый разумъ, ибо оно не построено законодателемъ-философомъ согласно ясному принципу, а создано цѣлымъ рядомъ поколѣній, устраивавшихъ его, сообразуясь съ своими многочисленными и измѣнчивыми потребностями. Это созданіе не логики, а исторіи и молодой мыслитель пожимаетъ плечами, глядя на это старое зданіе, кладка камней котораго произвольна, архитектура безпорядочна и заплаты на которомъ

такъ замѣтны. Во вторыхъ, какъ бы ни были совершенны всѣ эти учрежденія, законы и нравы, все же они ужь существовали до того время онъ не можетъ призвать ихъ; другіе его предшественники избрали ихъ для него и заключили его въ опредѣленные нравственные, политическія и социальныя рамки. Нужды нѣтъ, что онъ не нравятся, онъ долженъ какъ упряжная лошадь идти между двумя оглоблями въ надѣтыхъ шорахъ. Затѣмъ какова бы ни была организація она всегда по своему существу іерархична и ему на долю выпадаетъ роль подчиненнаго, все равно солдата ли, капрала или сержанта.

Даже при самомъ либеральномъ образѣ правленія и тамъ, гдѣ высшія должности доступны каждому, на пять или шесть чело-вѣкъ управляющихъ и командующихъ другими приходится сто тысячъ такихъ, которыми командуютъ и управляютъ и пусть сколько угодно твердятъ всѣмъ новобранцамъ, что въ ихъ сумкѣ спрятанъ маршальскій жезлъ Франціи, девятьсотъ девяносто девять разъ на тысячу они перерывъ свои сумки сразу убѣждаются, что, никакого жезла тамъ нѣтъ. Поэтому вполне понятно, что у него является искушеніе освободиться отъ желѣзной дисциплины которая должна отнынѣ сковать его. Понятно также, что презрѣвъ традиціи, онъ усваиваетъ теорію, подчиняющую его произволу товарищей и надѣляющую его властью надъ собственнымъ начальствомъ. Тѣмъ болѣе, что нѣтъ болѣе простой и легче усваиваемой доктрины какъ эта, это единственная, которую онъ при всей своей неопытности въ состояніи понять и сразу начать примѣнять. Вотъ почему большинство молодыхъ людей, въ особенности изъ начинающихъ свою карьеру по выходѣ изъ школы болѣе или менѣе якобинцы, это „*болѣзнь юношескаго возраста*“.

Въ хорошо устроенномъ обществѣ болѣзнь эта протекаетъ легко и быстро излечивается. Тамъ общественныя учрежденія прочны и хорошо охраняются, недовольные очень быстро убѣждаются, что они слишкомъ слабы, чтобы поколебать ихъ и что, сражаясь съ ихъ защитниками, они рискуютъ потерпѣть поражение. Затѣмъ они наворчавшись вдоволь, въ свое время, впоследствии тѣмъ или инымъ путемъ вступаютъ въ строй и бываютъ довольны или по крайней мѣрѣ примиряются. Въ концѣ концовъ они изъ подражанія, въ силу привычки или по расчету начинаютъ находить нормальнымъ существующій порядокъ вещей, который ~~охраняетъ~~ общественные интересы, въ тоже время защищаетъ и ихъ частные. Въ большинствѣ случаевъ лѣтъ черезъ десять молодой чело-вѣкъ достигаетъ извѣстнаго чина и постепенно подвигается впередъ въ своемъ учрежденіи, которое онъ ужь не собирается разрушать на глазахъ у городского, котораго онъ теперь тоже не прокликаетъ больше. Онъ начинаетъ даже находить полезными и городского и учрежденіе, въ которомъ служить и глядя на то, какъ тысячи индивидуумовъ толкаясь стремятся взобраться повыше по социальной лѣстницѣ, онъ приходитъ къ заключенію, что самымъ худшимъ бѣдствіемъ было-бы отсутствіе рогатокъ и охранителей.—А тутъ и источенныя червями рогатки лопнули всѣ сразу, а прекраснодушные, бедарные, испуганные бюрократы

дали всѣмъ полную свободу дѣйствій.—Тотчасъ же въ распавшемся обществѣ воцарились неурядица и полная шума и крика суматоха; всѣ безъ толку толкались и возбужденно поздравляя другъ друга съ пріобрѣтенной свободой, громко требовали новыхъ рогаatokъ, лишь бы только онѣ были такія же хрупкія какъ и прежнія и новыхъ блюстителей порядка, если возможно такихъ же слабыхъ, безоружныхъ и инертныхъ какъ старыя.—Такъ и сдѣлали, а естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что люди, прежде занимавшіе первыя мѣста, теперь отодвинулись на послѣднія; въ общей сумятицѣ и неурядицѣ, воцарившейся вездѣ и именуемой полнымъ благоустройствомъ, многіе были умерщвлены, а деревянные башмаки и грубые сапоги продолжали топтать красныя каблуки и изящныя туфельки.—Теперь догматическій умъ и безграничное честолюбіе могутъ составить карьеру, ибо нѣтъ большіе прежнихъ учрежденій препятствующихъ имъ, ни физической силы обуздывающей ихъ. Напротивъ своими теоретическими декларациями и практическимъ примѣненіемъ ихъ новая Конституція приглашаетъ ихъ занять почетное мѣсто.—Ибо съ одной стороны она считаетъ себя основанной на чистомъ разумѣ и выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ отвлеченныхъ принциповъ, изъ которыхъ яко-бы строго вытекаютъ всѣ ея подлинныя предписанія: т. е., другими словами, она подчиняетъ всѣ законы болтовнѣ говорунговъ, давая имъ возможность перетолковывать ихъ и нарушать по своему усмотрѣнію.—Съ другой стороны, на дѣлѣ, она вручаетъ власть выборнымъ людямъ, а клубамъ разрѣшается контролировать дѣйствія правительства: это значить давать просторъ самомнѣнію честолюбцевъ, которые пробираются впередъ, считая себя одаренными необыкновенными способностями и порицаютъ своихъ правителей изъ желанія занять ихъ мѣсто.—Всякій режимъ представляетъ изъ себя среду оказывающую вліяніе на ростъ человѣческихъ растений, способствуя развитію однихъ и заглушая другія. Этотъ именно оказался наиболѣе благопріятнымъ для зарожденія и произрастанія политиковъ изъ кафе, клубныхъ болтуновъ, уличныхъ ораторовъ, явныхъ мятежниковъ, диктаторовъ комитетовъ, словомъ революціонеровъ и тирановъ. Въ этой знойной тепличной атмосферѣ химеры и самомнѣніе принимаютъ чудовищные размѣры и втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пылкіе умы превращаются въ воспламенныя страстью.

Прослѣдимъ какое дѣйствіе оказываетъ эта невѣроятно высокая и нездоровая температура на воображеніе и честолюбіе. Старое зданіе разрушено, а новое еще не воздвигнуто; нужно перестроить общество снизу доверху; всѣ благомыслящіе люди призваны къ работѣ, а такъ какъ, чтобы начертать планъ достаточно примѣнить любой простой принципъ, то первый встрѣчный въ состояніи выполнить это. Съ тѣхъ поръ на собраніяхъ секцій, въ клубахъ, на столбахъ газетъ, въ брошюрахъ, въ смѣлыхъ и пылкихъ головахъ кишатъ политическія грезы. „Нѣтъ ни одного приказчика, ни негоціанта, созданныхъ чтеніемъ Элоизы, ни одного школьнаго учителя, переведшаго хотя бы десять страницъ изъ Тита Ливія, ни одного артиста просмотрѣвшаго Роллена. ни

одного остроумного литератора ставшаго публицистомъ, заучивъ наизусть логотрифы Соціального Контракта, которые не учреждали бы Конституціи... Такъ какъ нѣтъ ничего легче какъ совершенствовать воображаемое, то всѣ пылкіе умы стали увлекаться и работать въ этой идеальной области. Все начинается любопытствомъ, а кончается энтузіазмомъ. Чернь прибѣгаетъ къ этой пробѣ, какъ скупецъ къ обѣщающимъ ему золото опытомъ магіи, и въ этомъ пагубномъ ослѣпленіи каждый надѣется сразу получить то, что нигдѣ не встрѣчается, даже при наиболѣе либеральныхъ правительствахъ, а именно: идеальное совершенство общественныхъ формъ, всеобщее равенство и братство, возможность пріобрѣсти все, чего мы до сихъ поръ были лишены и наполнить свою жизнь удовольствіями и наслажденіями. Однимъ изъ послѣднихъ и притомъ не малымъ является вѣра во все это; строятъ воздушные замки; при помощи восьми-десяти хорошо построенныхъ фразъ, взятыхъ изъ этихъ катехизисовъ, въ шесть су, въ громадномъ количествѣ расходящимся по деревнямъ и городскимъ предмѣстьямъ, всякій провинціальный прокуроръ, сборщикъ податей у заставы, контролеръ контръ-марокъ или сержантъ изъ солдатской артели превращается въ законодателя и философа; онъ судить Малуэта, Мирабо, министровъ, короля, собраніе, церковь, иностранные кабинеты, Францію и Европу. Затѣмъ онъ по поводу высокихъ матерій, которыя ему прежде казались совершенно недоступными дѣлаетъ запросы, пишетъ адреса, онъ болтаетъ, его одобряютъ, онъ въ восторгѣ, что ему удается такъ хорошо разсуждать и выражаться такимъ высокимъ слогомъ. Теперь разглагольствованіе о вопросахъ, которыхъ не понимаешь, стало приносить пользу и славу. „Въ одномъ парижскомъ кварталѣ въ теченіе одного дня говорятъ больше чѣмъ на всѣхъ политическихъ собраніяхъ въ Швейцаріи, въ продолженіе цѣлаго года—говоритъ одинъ очевидецъ. „Англичанинъ будетъ шесть мѣсяцевъ изучать то, что мы рѣшаемъ въ четверть часа“ и повсюду въ городскихъ ратушахъ, въ народныхъ обществахъ, на партійныхъ собраніяхъ, въ кабачкахъ, на общественныхъ прогулкахъ, на перекресткахъ тщеславіе воздвигаетъ трибуны для слововизліяній. „Надо изучить неподдающуюся учету дѣятельность подобной машины у болтливаго народа, у котораго манія быть чѣмъ нибудь преобладаетъ надъ всѣми остальными страстями, у котораго тщеславіе принимаетъ столько различныхъ формъ, сколько сверкаетъ звѣздъ на небосводѣ, у котораго для пріобрѣтенія почестей достаточно самому провозглашать себя достойнымъ ихъ, у котораго общество подраздѣляется на посредственностей и ихъ поклонниковъ, возносящихъ ихъ подъ небеса, у котораго такъ мало людей, довольныхъ своимъ положеніемъ, у котораго угловой лавочникъ больше гордится своими временными эполетами, чѣмъ великій Кондэ гордился своимъ маршальскимъ жезломъ, у котораго постоянно вспыхиваютъ безпричинныя волненія, у котораго всѣ отъ полотера до драматурга, отъ академика до безобиднаго существа строчащаго статейки въ вечернемъ листѣ, отъ остроумнаго царедворца до его лакея-философа,

всѣ разыгрываютъ роль Монтескье, съ серьезностью ребенка, считающаго себя ученымъ, какъ только ему удалось выучиться читать; у котораго любовь къ диспутамъ, спорамъ и софизмамъ убила осмысленные разговоры; у котораго говорятъ, чтобы учить другихъ, забывая что надо хотъ иногда помолчать, чтобы въ свою очередь научиться чему либо; у котораго, блестящій успѣхъ нѣсколькихъ сумасшедшихъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ сумасбродные мозги; у котораго, придумавъ пару глупостей послѣ прочтенія книги, которую не поняли, тотчасъ же надѣляютъ себя *принципами*; у котораго плуты проповѣдаютъ нравственность, падшія женщины патріотизмъ, а самые безнравственные люди толкуютъ о человѣческомъ достоинствѣ; у котораго рассчитанный слуга вельможи воображаетъ себя Брутотъ“.

Онъ, дѣйствительно, является Брутомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, а при случаѣ онъ имъ станетъ на самомъ дѣлѣ, въ особенности по отношеніи своего послѣдняго господина, для этого вѣдь достаточно одного удара копья. Въ ожиданіи пока ему придется приступить къ выполненію своей роли, онъ произноситъ слова изъ пѣи и воспламеняется своими тирадами; вмѣсто здравого смысла онъ обладаетъ теперь лишь трескучими фризами революціоннаго жаргона и умѣньемъ витіевато говорить, доводя до конца дѣло утопіи, онъ облегчаетъ свой мозгъ отъ послѣдняго баласта.

Но новый режимъ не только извратилъ понятія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ развратилъ чувства. „Изъ Версальскаго дворца и приѣмныхъ царедворцевъ власть непосредственно безъ всякихъ переходовъ перешла въ руки пролетаріевъ и ихъ льстецовъ“. Весь составъ прежняго правительства внезапно былъ удаленъ и также внезапно, посредствомъ всеобщаго голосованія, было учреждено новое правительство; при распредѣленіи мѣстъ предпочтеніе отдавалось не старшинству, способностямъ и опытности, а самомнѣнію, проискамъ и умѣнію обратить на себя вниманіе. Не только всѣ законныя права были уравнены, но всѣ естественныя подраздѣленія классовъ были уничтожены, общественную лѣстницу опрокинули и перевернули вверхъ ногами, а первымъ актомъ общанныхъ прообразованій „явилось превращеніе адвокатовъ въ чиновниковъ магистратуры, обыкновенныхъ буржуа въ государственныхъ мужей, бывшихъ разночинцевъ въ благородныхъ гражданъ солдатъ въ офицеровъ, офицеровъ въ генераловъ, священниковъ въ епископовъ, викаріевъ въ пасторалей, монаховъ въ викаріевъ, ажіотеровъ въ финансистовъ, самоучекъ въ администраторовъ, журналистовъ въ публицистовъ, риториковъ въ законодателей и бѣдняковъ въ богачей.—„При видѣ этого разыгрались алчные аппетиты. Изобиліе свободныхъ мѣстъ и ожидаемыхъ вакансій „возбудило жажду власти, подстегнуло честолюбіе и зажгло надежды въ умахъ самыхъ бездарныхъ людей. Дикое и грубое самомнѣніе подавило у всѣхъ невѣжды и глупцовъ сознаніе собственнаго ничтожества. Они вообразили себя одаренными всесторонними способностями, ибо законъ ничего не требовалъ отъ должностныхъ лицъ кромѣ способностей. Для честолюбивыхъ лю-

дей открылись широкія перспективы: солдаты только и думали о томъ, чтобы стать офицерами, офицеры мечтали о генеральскихъ чинахъ, подчиненные о мѣстахъ начальниковъ, вчерашній адвокатъ грезилъ о пурпурѣ, священникъ объ епископскомъ санѣ, самый легкомысленный писака надѣялся сѣсть на скамью законодателей. Мѣста и должности, освобождавшіяся, благодаря внезапному повышенію разныхъ выскочекъ, въ свою очередь открыли широкія перспективы низшимъ классамъ.—Такимъ образомъ, благодаря измѣненію внѣшнихъ условій, произошелъ переворотъ въ душахъ. „Такимъ образомъ Франція превратилась въ игорный столъ, за которымъ при помощи болтовни, наглости и пылкости ума, каждый честолюбецъ могъ бросать свои кости. При видѣ выдвигающагося изъ ничтожества общественнаго дѣятеля у каждаго чистильщика сапоговъ зарождается въ душѣ стремленіе къ соревнованію.

Ему достаточно лишь протолкаться впередъ и пустить въ ходъ локти, чтобы взять свой билетъ въ этой „грандіозной лотерей народныхъ богатствъ, повышеній безъ права на нихъ, успѣховъ безъ таланта, величія безъ добродѣтели, щедро расточаемыхъ народомъ должностей“. Сюда стекаются всѣ политическіе шарлатаны, а въ первомъ ряду находятся тѣ, которые искренне вѣрятъ въ чудодѣйственныя свойства своихъ цѣлительныхъ средствъ и ищутъ власти, лишь затѣмъ, чтобы имѣть возможность предложить обществу свой рецептъ. Въ виду того, что они являются спасителями всѣхъ мѣста должны принадлежать имъ, а въ особенности самыя высокія. Они ихъ добиваются, въ случаѣ нужды они возьмутъ ихъ штурмомъ, чтобы сохранить ихъ за собой, они пустятъ въ ходъ силу и волю или неволю навязутъ человечеству свою панацею.

III

Таковы наши якобинцы: они вырастаютъ изъ общественнаго расклада точно грибы изъ перебродившей почвы. Изучимъ теперь ихъ внутренній строй, который у нихъ существуетъ вродѣ того, какъ некогда существовалъ у пуританъ—достаточно прозондировать до глубины ихъ ученье, чтобы проникнуть въ ихъ странную психологію съ нарушеннымъ умственнымъ равновѣсіемъ и извращенными чувствами.

Когда государственнѣйшій мужъ, не совсѣмъ недостойный этого почетнаго званія, встрѣчаетъ на своемъ пути отвлеченную идею, напримѣръ: принципъ народовластія, то, приступая къ осуществленію его, онъ прежде всего старается представить себѣ каковъ онъ будетъ примѣненный къ жизни. Поэтому онъ, руководствуясь своими личными воспоминаніями и тѣми свѣдѣніями, какія ему удалось получить, представляетъ себѣ извѣстную деревню, извѣстное мѣстечко, извѣстный городъ въ средней полосѣ, на югѣ, на сѣверѣ, въ центрѣ страны, для которыхъ ему надо издавать законы. Затѣмъ онъ, по мѣрѣ возможности, представляетъ себѣ жителей, подчиняющихся этимъ законамъ, т. е. вотирующихъ, идущихъ на ка-

рауля, платящихъ подати, ведущихъ свои дѣла. Судя по этимъ 10—12 группамъ, разсмотрѣннымъ имъ въ видѣ пробы, онъ по аналогіи выводитъ заключеніе и для остальныхъ—для всей страны. Само собою разумѣется, что такое вычисленіе не легко, оно требуетъ рѣдкаго таланта наблюдательности и тонкаго чутья, ибо приходится *дѣлать точное вычисленіе съ недостаточно понятными и не точно обозначенными величинами*. И если какой-либо политикъ достигаетъ желаннаго результата, то этимъ онъ всегда обязанъ исключительному дару предвидѣнія, который является плодомъ многолѣтняго опыта, соединеннаго съ гениемъ. Но все же, введя въ жизнь свою реформу, онъ продолжаетъ двигаться ощупью; онъ почти всегда лишь пробуетъ; онъ примѣняетъ новый законъ лишь постепенно, частично и временно; онъ стремится предварительно испытать дѣйствіе его; онъ всегда готовъ исправить, отмѣнить или отложить свое нововведеніе, смотря по тому—благопріятны или неблагопріятны будутъ результаты испытанія. Въ его даже недюжинномъ умѣ представленіе о наклонностяхъ и стремленіяхъ управляемыхъ имъ массъ складывается лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія.

Но не таковъ якобинецъ. Его принципъ это геометрическая аксіома въ политикѣ, заключающая въ самой себѣ доказательства своей непогрѣшимости, ибо подобно аксіомамъ элементарной геометріи принципъ этотъ состоитъ изъ сочетанія нѣсколькихъ простыхъ мыслей и его очевидность сразу импонируетъ уму привыкшему къ логическому мышленію. Человѣкъ въ широкомъ значеніи этого слова, человѣческія права, общественный договоръ, свобода, равенство, разумъ, природа, народъ, тираны, вотъ понятія заполняющія умъ новаго адепта этого ученія, ясны ли они и понятны или же наоборотъ представляютъ изъ себя наборъ туманныхъ и трескучихъ фразъ, это не важно. Какъ только онъ соединилъ ихъ въ нѣчто цѣлое, они стали для него аксіомой, которую онъ тотчасъ же начинаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ примѣнять на практикѣ, часто впадая въ крайности. Реальные люди—онъ не обращаетъ на нихъ вниманія, онъ ихъ не видитъ, да ему и не надо ихъ видѣть; съ закрытыми глазами онъ прикладываетъ свою мѣрку къ человѣческой массѣ, которой онъ пытается придать желаемую форму; никогда ему не приходитъ въ голову вообразить себѣ эту многочисленную, волнующуюся, сложную массу крестьянъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, священниковъ, знатныхъ современниковъ, за яхъ плутомъ, въ ихъ каморкахъ, въ ихъ канцеляріяхъ, въ ихъ ризницахъ, въ ихъ дворцахъ, съ ихъ закоренѣлыми вѣрованіями, съ ихъ установившимися взглядами и наклонностями, съ ихъ насущными нуждами. Но все это не проникаетъ въ его мозгъ и не укладывается тамъ, ибо всѣ его извилины заромождены отвлеченнымъ принципомъ, который расположился тамъ и заполнилъ собою все мѣсто. Если текущій опытъ при посредствѣ ушей и глазъ насильно вводитъ туда какую либо докучливую истину, то какой-бы кричащей ее кровавой не была она ей не пустить тамъ корней, ибо онъ тотчасъ же старается избавиться отъ нел, уничтожить, задушить ее какъ клеветницу, отрицающую непогрѣши-

мость завладѣвшей имъ идеи. Безусловно такой складъ ума ненормаленъ, изъ двухъ силъ, которыя должны бы дѣйствовать согласно и вмѣстѣ одна атрофирована и гипертрофирована, недостаетъ противовѣса фактовъ, для уравновѣшенія тяжести формулъ. Перегруженный съ одной стороны и пустой съ другой онъ наливается по наклонной сторонѣ, такова неизлѣчимая болѣзнь якобинскаго ума.

Въ самомъ дѣлѣ просмотрите подлинныя памятники его мысли: журналъ *des Amis de la Constitution*, газеты Люстало, Демулэна, Бриссота, Кондорса, Фрерона и Марата, статейки и рѣчи Робеспьера и Сентъ-Жюста, пренія законодательнаго собранія и конвента, рѣчи, рапорты и протоколы Жирондистовъ и Монтаньеровъ или для краткости сорокъ томовъ компилятивныхъ выписокъ Бюше и Ру. Никогда еще такъ много не говорили, что-бы такъ мало сказать, трескучая напыщенность затемняли истину своимъ однообразиемъ и надутостью. Вотъ характерное доказательство этого: если бы историкъ сталъ искать среди этой нагроможденной кучи фразъ точныхъ указаній, онъ не нашелъ бы ничего достойнаго быть отмѣченнымъ; прочитавъ цѣлые километры бумаги ему лишь изрѣдка удавалось бы натолкнуться на какой-либо незначительный фактъ, поучительную подробность или интересный документъ, вызывающій передъ его глазами чей либо индивидуальный обликъ, знакомящій его съ чувствами селянина или дворянина, ярко рисующій внутренность ратуши или казармы, описывающій муниципальный совѣтъ или возстаніе. Что-бы разобраться въ пятнадцати-двадцати типахъ и событіяхъ, характеризующихъ данную историческую эпоху, намъ приходилось и впредь надо будетъ искать ихъ въ другомъ мѣстѣ, въ перепискѣ мѣстныхъ административныхъ властей, въ протоколахъ уголовныхъ судовъ, въ конфиденціальныхъ донесеніяхъ полиціи, въ описаніяхъ иностранцевъ, которые благодаря совершенно иному воспитанію проходятъ мимо словъ къ фактамъ и видятъ Францію по другую сторону Общественнаго Договора. Вся эта живая Франція, грандіозная трагедія разыгрываемая 26 милліонами лицъ на сценѣ въ 26 тысячъ квадратныхъ лье ускользаетъ отъ якобинца; въ его описаніяхъ, точно также какъ и въ его годовѣ нѣтъ ничего кромѣ безсодержательныхъ общихъ мѣстъ, вродѣ цитированныхъ выше; они тамъ развертываются по игрѣ идеологін, иногда сплошной полосой, если писатель мыслитель по профессіи какъ напримѣръ Кондорсэ, но чаще всего оборванными и плохо связанными нитями, слабыми неплотными петлями, если ораторъ скороспѣлый политикъ или новичекъ въ философіи, какими являются большинство депутатовъ и клубныхъ болтуновъ. Это смѣсь схоластики недоразвившихся педантовъ съ напыщенностью бѣсноватыхъ. Весь его лексиконъ состоитъ изъ сотни словъ, а всѣ его идеи сводятся къ одной индивидуализаціи личности. Собраніе равныхъ, во всемъ похожихъ другъ на друга, независимыхъ человѣческихъ единицъ, заключившихъ между собою договоръ, вотъ ихъ представленіе объ обществѣ. Трудно представить себѣ болѣе упрощенный взглядъ на социальные отношенія, но чтобы дойти до этого нужно свести къ